

Стихия

1.

Луна... Подсолнухи... Оёёс...
Август живнень
Август зарев
Яблочный Спас

Плещется вселенский океан юдоль ко-
раблѣй ковчег
Тѣхих матово трепетно переливча-
тых проливчатых
Звѣзд звѣзд звѣзд
А звѣзды в небесах
А плодopaбы во садах

А мой пуливыѣй прирученный зябкий
малыѣй яблоневыѣй сад
Роняет мохнато шумно лунно яблоки
в траву
А прохожий полевой Иисус Христос —
Человеков грешных и яблок палых
Спас
Тихо поднимает собирает серебря-
ные текущие пахучие зыбучие яблоки
Лучезарными осяняными чародейны-
ми золотыми
Вечными вселенскими колосистыми
перстами

А дверца утлая одинокого фанерного
летнего домика ковчегѣйка моего
Всю кою всю кою радостно открыта
распахнута разъята
В бездонно необъятно чудотворно во-
рожащее звездами
И подсолнухами и овсами
Русское родное кормильное колыбель-
ное поле поле поле поле поле

О Прохожий Боже
Что ж Ты не заходишь?
Что ж Ты не заглянешь? что ж Ты?
Что ж Ты Боже Боже Спасе родной
родный Отец
Что ж Ты всё Прохожий
Не Захожий...

2.

Полнолуныє... Златые качливые дрем-
ливые подсолнухи...
Золотые рассыпные овсы...

Ай забытѣсь закатѣсь затерѣтѣсь
в подсолнухах?
Ай раскидѣтѣсь ай рассыпѣтѣсь в
переспелѣх овсах овсах?

Август живнень звездочѣт
Яблочный Спас
В небесах — звездopaд
Во садах — плодopaд

А в моем бедном колышашемся яблo-
невом неизъяснимом саду саду
Яблoки яблoки яблoки жемчужные лун-
ные падают рушатся
Свергаются в серебряную звенящую
многострунную траву

И прохожий полевой улыбчивыѣй дере-
венский наш Спас Иисус Христос
Нежно неслышно собирает поднимает
палье яблоки
И кладѣт их прирученно на крылечко
рукой лунноворожащей
Лунноплывущей в поля избы млечной
молочной телѣчней мой

И всю ночь! и всю ночь дверца шаткая
спадкая
Тихой избы лады неподвижной моей
Вся вся вся распахнута разъята рас-
крыта безвиноу щедро
В необъятное лунное наше кормиль-
ное отчее поле поле поле...

Ждѣу я Двухтысячетлетнего Бес-
смертного Гостя
Ждѣу ждѣу томлюсь —
Даже ужин ночной из картофеля и
лука младаѣх земляных призововил
Ждѣу — а Гость не заходит

Только тихо сложил палые яблоки на
крыльцо моѣ
И ушѣл в колыбельное необъятное
поле...

3.

Полнолуныє... Подсолнух... Спас...
В небе корoб плывущий корабль ковчег
Палых падучих текучих плакучих про-
ливчатых звезд звезд звезд

Август живнень
Август резчик седой ювелир звездo-
чѣт расточил раскидал в небесах

Свой вселенский oгнь пламень алмаз
А в садах переспелых перемлелых
бродит Сторож Садовник
Яблочный Спас
Погоди! подожди! Не томись!

Предосенний одинокий печальный мой
брат!
Не печалься!
Перед тем как пройти прошество-
вать
В Вечный Ночной Гефсиманский не-
опадающий Сад
Русский наш Садовник Страж забы-
тых садов и заброшенных человекoв
Полевой наш прохожий батюшка ра-
достный нежнoхмельной
От множества яблoк медвяных
ленных
Наш наш батюшка вечный Иисус Спас

Непрѣменно! нетлѣнно! неопалимо!
неудержимо!
Неизъяснимо! Лучезарно!
Посетит твоѣй деревенский скоро-
течный малый
Исполненный серебряных яблoк садик
сад сад

Чтоб златую падалицу в травах бе-
режно нежно
Нерукотворно улыбчиво поднять
собрать
Да уложит на крыльцо твоей проси-
вшей возлюковавшей

Воскресшей всяким брѣвнышком да
всяким окошком избы избы избы...

О мой предосенний весѣлый улыбчи-
вый осяняный мой брат!
Потому Он и есмь Святой Прохожий
Вечный Садовник

Потому Он и есмь Яблочный Спас

Потому и прейдут все сады земли

А останется Вечный Садовник Спас

Тимур ЗУЛЬФИКАРОВ

Юрий Валентинович Трифонов в своей жизни, помимо литературы, очень любил ещё две вещи: кино и спорт. В самом конце хрущёвской оттепели эта любовь писателя к кино и спорту вылилась в снятый по его сценарию художественный фильм "Хоккеисты", в котором сыграли не последние актёры, в частности Николай Рыбников, Вячеслав Шалевич, Георгий Жжёнов, Владимир Ивашов, Лев Дуров и Люсьена Овчинникова. А на экран пробивал эту картину Юрий Бондарев.

Да, было время, когда Юрий Бондарев, Григорий Бакланов, Владимир Тендряков, Юрий Трифонов входили в один круг. Их познакомил и сблизил Литинститут. Правда, Бондарев и Бакланов занимались в семинаре Константина Паустовского, а Трифонов учился у другого Константина — Федина.

В середине 1950-х годов безденежье всех их побудило заняться ещё и кино. Правда, у большинства не было киношного опыта. Поэтому многие из них в какой-то момент подались в сценарную студию при Главке по кинематографии.

Осенью 1955 года направил туда свои стопы и Трифонов. "Прошу, — написал он 19 октября в своём заявлении, — принять меня в сценарную студию. Хочу ознакомиться с основами киносценарийного мастерства и попробовать свои силы в сценарии о молодёжи (московское студенчество)" (РГАЛИ, ф. 2372, оп. 26, д. 61, л. 274). К своему заявлению Трифонов приложил короткую автобиографию. Читаем: "Я, Трифонов Юрий Валентинович, родился в семье служащих 28 августа 1925 г. в г. Москве. До войны учился в московской школе. Во время войны работал на авиационном з-де № 124 в Москве, сначала в качестве слесаря, затем диспетчера цеха и редактора заводской газеты.

С 1945 г. учился в Литературном ин-те им. Горького, который окончил в 1949 г. Печататься начал с 1947 г. — рассказы в альманахе "Молодая гвардия",

газете "Московский комсомолец", журнале "Молодой колхозник".

В 1950 напечатал роман "Студенты", удостоенный Сталинской премии III ст. После этого работал в области драматургии (пьеса "Художники" была поставлена в театре им. Ермоловой). Работая над новой книгой о молодёжи. Печатаюсь в периодической печати" (РГАЛИ, ф. 2372, оп. 26, л. 273).

Уже через пару месяцев Трифонов представил на обсуждение киноредакторов сценарий из жизни выдуманной редакции газеты "Московский коммунальщик". Он назвал свою работу "Утренний город". В основу Трифонов положил конфликт молодого журналиста Олега Курепина со своим редактором. Но у Нины Беляевой — руководителя мастерской, в которой занимался писатель, — он вызвал противоречивые чувства. "По писательской фактуре, — признала Беляева, — получилась привлекательная вещь, чувствуется умение автора строить сюжет, образы, характеры, у автора есть кинематографическое видение" (РГАЛИ, ф. 2372, оп. 21, д. 756, л. 77). Но её не устроила тональность этой вещи. "Сомнения шли по линии авторского мироощущения, насколько в том ключе решается вещь... Слишком много в общей атмосфере тягостного, того, что создаёт трудную атмосферу". Поэтому Беляева попросила Трифонову весь сценарий переписать.

Второй вариант писатель представил на обсуждение в марте 1956 года. Но он ещё больше расстроил киноредакторов. Так, Аида Репина увидела тенденциозность автора (слишком много у него оказалось отрицательных героев, выписанных чёрной краской, "все сволочи и негодяи, которые травят людей и мешают им жить". Александр Соловьёв вообще обвинил писателя в неправдоподобности всех приведённых в сценарии эпизодов. Всё изложенное в сценарии назвал неправдой и Илларион Барашко. А надо знать, какой тогда вес имели эти люди. Соловьёв в своё время работал в аппарате ЦК ВКП(б) и имел выходы на многих руководителей Агитпропа, а Барашко раньше возглавлял парторганизацию в Комитете по делам искусств, а в декабре 1949 года стал директором-распорядителем музея подарков И.В. Сталину.

Трифонов стал оправдываться. Он начал киноредакторам доказывать: "Конфликт в газете (положенный в основу сценария. — Ред.) типичный. Может быть, и мелкое, но очень распространённое явление. Н.В. Беляева говорила, что сценарий не будит желания жить. По моему замыслу, он должен будить желание не кривить душой, не сдаваться, как это делает Курепин. Он оказывается уволенным из газеты, но идёт до конца".

Но последнее слово оставалось за директором студии Борисом Дулгеровым. В его воле было всю проделанную Трифоновым работу забраковать или дать писателю шанс доставить сценарий до нужной киношникам кондиции. Он в итоге решил поддержать автора. Но Дулгеров оговорил: работы будет много. "Надо показать, — напутствовал он Трифонову, — как в Москве бюрократы модернизируются... Тогда это будет интереснее".

Переделка сценария заняла у Трифонову девять с лишним месяцев. Лишь в январе 1957 года писатель показал то, что у него получилось, новому своему мастеру — Евгению Габриловичу. А тому многое в третьем варианте "Утреннего города" не понравилось. "Недостаточна, — заявил он, — ещё драматургия в сценарии и поступки героев ещё не обусловлены. В середине сценария должна быть какая-то ситуация, которая усилила бы драматурию. Ещё должен быть один подвиг Курепина" (РГАЛИ, ф. 2372, оп. 21, д. 759, л. 55).

В связи с замечаниями Габриловича Дулгеров 31 января 1957 года собрал редсовет сценарной студии. И на нём такие страсти разгорелись! Больше всех негодовал Соловьёв. "Это, — отрезал он, — не художественное произведение. Автор пользуется знаками. В сценарии есть разные люди, все они расставлены. Но есть ли это правда жизни? Кроме знаков характеров и поступков — я ничего не вижу".

Это заявление Соловьёва страшно возмутило Беляеву. Она немедленно вступилась за Трифонову. "Вся художественная ткань сценария, — стала убеждать Беляева весь редсовет, — превосходна с точки зрения кинематографа. Речь идёт о том, как доставить сценарий до накала. Приходится, когда пишешь сценарий, кровью харкать, пока дойдёшь до драматургического произведения".

Как всегда, последнее слово должен был сказать Дулгеров. Но в этот раз он примкнул к Соловьёву, а не к Беляевой. Его вывод был таким: "Это пока не сценарий, а ещё материал сценария". Правда, в конце своего выступления Дулгеров тем не менее попросил Трифонову зайти к нему на следующий день, чтобы обсудить, имеет ли смысл продолжать работу или киноредакторам и Трифонову пришло время расстаться.

При встрече тет-а-тет Дулгеров предложил писателю успокоиться и не спеша подготовить новую редакцию сценария. Беляева потом всячески подталкивала своего ученика к компромиссу. Но Трифонов поправил лишь отдельные сцены, а кардинально ничего менять не стал.

НА НОВОЕ обсуждение он вышел 1 ноября 1957 года. Поскольку общая тональность сценария осталась прежней, Габрилович высказался за то, чтобы на сём разбежаться. К этому склонялись и Магат с Репиной. Компромисс предложила Людмила Белова: "Сценарий Трифонова законсервировать и начать с ним новую работу". Но Трифонов гордо от этой идеи отказался.

Однако связь с киношниками после этого Трифонов не оборвал. А в начале 60-х годов Юрий Бондарев предложил ему войти в худсовет создававшегося на "Мосфильме" нового, шестого, творческого объединения киноработников и писателей.

"Раз в неделю, — выяснила впоследствии третья жена писателя Ольга Мирошниченко, — Трифонов ездил на Мосфильм на заседания шестого творческого объединения. Небольшой приработок и возможность помогать хорошим и талантливым людям. Например, Геннадию Шпаликову. Ю.В. (Трифонов. — Ред.) назначили редактором сценария "Трамвай в другом городе", фильм после многих мучений всё же вышел; творчеством Шпаликова Ю.В. защищал яростно".

Всё верно. Кроме одного: зарплату на "Мосфильме" Трифонову по тем временам назначили не такую уж и маленькую — 195 рублей в месяц.

Тогда же у Трифонову возникла идея сделать художественный фильм о хоккеистах. Он сам вызвался написать сценарий.

"По-моему, заявка интересная, — признал на худсовете 1 августа 1962 года Владимир Крепс (это он писал сценарии для популярной в советское время радиопередачи "Клуб знаменитых капитанов"). — Она написана абрисно, но по предварительному прочтению я должен сказать, что сама история примечательна, не шаблонна, сюжетный ход свежий. Разработки здесь нет, но я думаю, что почерк Трифонову обещает, что разработка характеров будет интересна. А фабульная основа здесь достаточная" (РГАЛИ, ф. 2453, оп. 4, д. 2401, л. 2).

Крепса поддержал киносценаратург Валентин Ежов, известный по участию в работе над сценарием фильма "Баллада о солдате". "Если Трифонов, наконец, согласился делать картину про хоккей, — заявил он, — мы должны немедленно дать ему возможность это делать, потому что кто лучше знает не то что тонкости, а какие-то спортивные настроения, чем Трифонов. Он поэт спорта. Из заявки я не пытался ничего особенного понять, потому что тут тот случай, когда пишется на странице заявка, а всё остальное лежит на его совести. И если он сам согласился, то нужно немедленно это делать". И с Трифоновым тут

Советский писатель, поэт, публицист Ю.В. Трифонов

Впрочем, Трифонов вернулся к задуманному сценарию намного раньше — уже в начале лета. А 19 июля его первый вариант уже обсуждался на худсовете (сценарий тогда назывался "Команда").

На худсовете очень основательный разбор написанного Трифоновым сделал Григорий Бакланов. Ему многое понравилось. Но какие у него были претензии? Во-первых, Бакланова смутил большой объём рукописи — 130 страниц, первые пятьдесят из которых представляли далёкое вступление к основной теме. Второе. Высоко оценен созданный писателем типаж спортсменов, Бакланов расстроился по поводу Майи ("её характер неясен").

Ну, первый недостаток был легкоустраимым. Трифонов сказал, что готов за две недели серьёзно сократить свой текст. Но он пока не знал, как поступить ему с Майей.

И тут бразды в свои руки взял Бондарев. Подводя итоги обсуждения, он сказал: "Значит, сценарий принят с поправками". А следом он предложил решить вопрос о режиссёре фильма.

Сам Трифонов к тому времени уже настроился на совместную работу с Рафаилом Гольдиным (Скачко к тому времени поддался уговорам Бориса Бабочкина и стала готовиться к экранизации пьесы Горького "Дачники"). Бондарев не возражал. Но коллеги напомнили Бондареву, что всё-таки для начала стоило дожждаться назначения худрука объединения (а в Госкино тогда рассматривались в качестве возможных худруков Александр Алов и Владимир Наумов). Поэтому Гольдина 19 июля так и не утвердили.

ЕСТЕСТВЕННО, Трифонов с переделками сценария в две недели не уложился. Второй вариант он представил худсовету лишь в начале осени 1963 года.

Первым рукописи прочитал режиссёр Владимир Басов. Он признался, что, если б не монтаж карти-

О Юрии Трифонове и не только

Советский писатель, поэт, публицист Ю.В. Трифонов

же был заключён на написание сценария соответствующий договор.

Да, сам писатель тогда хотел, чтобы в качестве режиссёра к нему прикрепили бы Елену Скачко, которую в киношных кругах знали как ученицу Сергея Эйзенштейна, снявшую в 1961 году по рассказу Юрия Нагибина фильм о боксе "Личное первенство".

Но вскоре на писателя насели редакторы из журнала "Знамя". Там приняли его роман "Утоление жажды", но главред Вадим Кожевников считал, что рукопись следовало бы серьёзно подправить.

В "Знамени" из Трифонову стали выжимать все соки. 14 января 1963 года он, не сдержавшись, отправил редактору своей рукописи Софии Дмитриевне Разумовской письмо. "В пятницу, 11 января, — сообщил писатель, — я отнёс роман в "Знамя" и разговаривал со всем синклитом его главе с В. К. (главредом журнала Вадимом Кожевниковым. — Ред.). Закончил-то я всё ещё 2-го января, но десять дней печатала машинистка.

Я сказал В. К., что надо прочитать роман очень быстро и быстро ответить: да или нет. Ничего больше переделывать я не буду. Я считаю, что роман сейчас с точки зрения идейной абсолютной благополучен — даже местами более чем — и я могу пойти с ним куда угодно.

С точки зрения художественности его можно "пилить" ещё полгода, и ещё полгода, и ещё, и он будет становиться лучше — по мне это не нужно. Мне нужен ответ: когда? В каком номере?

В общем, я нападал, а он брыкался. К чему такая спешка? Сейчас будем читать. Дай бог, чтоб все были правки...

У меня такое чувство, что ему печатать этот роман не особо охота.

Сейчас роман у Катинова. Завтра он закончит и в среду отдаст дальше — Скорину и Сучкову.

Вот что с моими делами. По-прежнему неизвестность. Я форсирую "Сов. писатель", отдал экземпляр Вере и на оформление.

София Дмитриевна! Завидую Вашей жизни в Ялте! Хотелось бы рвануться к морю, к миллиарду, к безделью — но надо окончательно всё выснить тут. Если "Знамя" затопорщится, попробую отдать в другой журнал, хотя везде трудно — мало времени до книги в Сов. Пис. Можно печатать только в пятом, не позднее. А задерживать Сов. Пис. я не буду!

Передайте привет Дане (мужу Разумовской писателю Даниилу Семёновичу Данину (Плотке). — Ред.)! Пусть с кем-нибудь потренируется в дебютах перед встречей со мной.

Вам и Дане большой привет от Нины.

Ваш Юра" (РГАЛИ, ф. 3149, оп. 1, д. 563, лл. 1, 1 об.).

Нина Нелина — это первая жена Трифонову. С ней писателю было весьма несладко. Она была оперной певицей, солисткой Большого театра. Но любила ли Нелина Трифонову? Смотрите, что она записала в свой дневник вскоре после рождения дочери: "Ребёнок принёс бессонные ночи. Я вставала с несвежей головой, усталой. Утром — репетиции, вечером — спектакли. Муж сладко спал до 11-12 часов. Завтракал в постели. Читал газеты, журналы. Потом немного порабатает. Вечером — в Союз (писателей. — Ред.), в ресторан. Друзья, кофе, коньяк и литературные сплетни". Осенью 1966 года Нелина неожиданно умерла. У неё случился инфаркт миокарда. Ей было всего 43 года.

Но в "Знамени" убедили Трифонову продолжить работу над романом. А разорваться сразу на несколько фронтов у писателя никак не получалось. Поэтому 14 марта 1963 года он обратился к Юрию Бондареву с просьбами на полгода приостановить его штатное членство в сценарно-редакционной коллегии шестого объединения "Мосфильма" и о пролонгации договора по созданию литературного сценария для фильма о хоккеистах "Победитель шведов".

ны по роману Бондарева "Тишина", то сам бы взялся за съёмки. Но Басову напомнили, что режиссёр для фильма уже нашёлся. Это Гольдин.

Самые большие споры на худсовете возникли вновь по поводу Майи и её взаимоотношений с главным героем — хоккеистом Дугановым. "Из-за чего сыр-бор горит, — размышлял Бондарев. — Если бы это была женщина "модерн", женщина, которая хочет "свободной любви", женщина, которая легко смотрит на какие-то вещи, смотрит на него как только на "самца" — мне это было бы в какой-то степени ясно. В чём-то она могла быть капризной, роковой, сексуальной женщиной — это другое дело. Но я вижу здесь смешанный жанр. С одной стороны, как будто бы весьма положительная, рассудительная в разговоре с мамой женщина, которая вдруг здесь предстаёт не в своём развитии, а неожиданно, и тут я удивляюсь. Здесь есть такой диалог: "Что это за семья? Ты будешь пропадать на полгода, а когда ты здесь, у тебя то сборы, то режим, то соревнования". Далее следует, что она несколько пренебрежительно относится к спорту. Далее она говорит, что хотела бы, чтобы он бросил хоккей. Если бы это был парень типа Кудрича, то другое дело, но Дуганов парень интеллигентный, выражается даже несколько изысканно, он даже понимает в античном искусстве, пытается говорить иногда афоризмами. А чем отличается Майя от него по своему положению, хотя бы социальному? Абсолютно ничем. Наоборот, мне кажется, что он гораздо интереснее чем Майя в интеллектуальном смысле. Она боится за себя, что она будет всё время на тренировках, в режиме и т. д. Ну и что? Это противоречит тому, в чём Майя была заявлена в самом начале. Тут получается странное противоречие. Был задуман один образ женщины "модерн", а он потянул образ в другую сторону. Мне неясно почему они не сходятся и почему они сходятся. Но если это загадка сама по себе, то нужно разгадывать.

Ну, пусть это будет абсолютно загадочный образ этой женщины, но она должна быть женщиной. Есть "герцогини с загадочными глазами", но этого здесь нет.

И это у меня одна из самых серьёзных претензий, потому что Майя есть, если бы её не было, то было бы гораздо легче. Могло бы начаться случайное знакомство и продолжаться.

Я не буду подсказывать, пусть будет движение, развитие любовных отношений, но не нужно гордить это вокруг хоккея, потому что получается, что ты хочешь создать вокруг этого проблему, а они с пренебрежением относятся к этому виду спорта и это мелчить.

Вот таковы мои претензии" (РГАЛИ, ф. 2453, оп. 4, д. 2465, лл. 31, 32).

Трифонов пытался парировать: "Если бы она была хищницей — тогда другое дело". Но Бондарев свул сёло: "Я не вижу в ней интеллект... Что она хочет от жизни?". Ответ Трифонову: она хочет счастья. Тут Бондарев чуть из себя не вышел: "А как она понимает это счастье? Ты ничего не доказал, а только запутался. Ты потерял фактуру этой женщины!". Однако Трифонов не сдавался. "К сожалению, — признал он, — я пока не вижу другого варианта для этого романа". Итог был таким: Бондарев, устав от спора, сам предложил запустить литературный сценарий Трифонову в производство.

Сами съёмки проходили уже без участия Трифонову. Писатель в это время вовсю работал над книгой "Отблеск костра". Он спешил рассказать о поколении своего отца.

Премьера фильма "Хоккеисты" состоялась 27 февраля 1965 года. В Советском Союзе эту картину посмотрели 17,6 миллиона человек.

Позже Трифонов написал ещё два сценария. Один — по своему роману "Утоление жажды" и второй про спорт — "О чём не узнают трибуны".

Вячеслав ОГЫЗКО